

УДК 355.404.1

С.А.КУРТИНЕЦ

Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931)

По опубликованным и впервые введенным в научный оборот архивным документам анализируется разведывательная работа японских консульств против СССР в 1922–1931 гг. на Дальнем Востоке и противодействие ей советской стороны.

Ключевые слова: японское консульство, посол, шпионаж, разведка, агент.

Intelligence activities of japanese consular agencies in the Soviet Far East (1922–1931). S.A.KURTINETZ (Khabarovsk Frontier Institute, FSB RF).

According to published and the first introduced archival documents in scientific turnover, prospecting work of the Japanese consular agencies against the USSR (1922–1931), in the Far East and activity of the Soviet security officers on its counteraction is analysed.

Key words: the Japanese consular agency, the ambassador, espionage, investigation, the agent.

До 1990-х годов подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 1920-х годов и работа сотрудников органов госбезопасности по ее противодействию была темой лишь художественных произведений советских писателей (С.Роднин, Д.Федичкин и др.) [8, 10]. В постсоветский период, когда доступ к закрытым фондам был открыт, появились исследования А.Буякова, Л.Вялкова, А.Дементьева, А.Полутова, Л.Цыбина [1, 3, 4, 7, 11]. Однако комплексное изучение процесса противодействия органов безопасности разведывательно-подрывной работе иностранных консульств в 1922–1931 гг. не проводилось.

В данной работе автор, основываясь на опубликованных и архивных материалах, ряд которых вводится в научный оборот впервые, делает попытку проанализировать новые факты относительно разведывательно-подрывной деятельности японских консульств на территории Дальнего Востока и северной Маньчжурии, а также работу сотрудников органов госбезопасности по противодействию ей.

После того как в октябре 1922 г. японские оккупационные войска покинули территорию советского Дальнего Востока, в городах Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Александровск-Сахалинский и Петропавловск-Камчатский остались японские консульства, которые продолжили свою работу. Под их прикрытием по линии Министерства иностранных дел (МИД) Японии велась разведка по добыванию информации о Советском Союзе и его Дальневосточном крае легальными и нелегальными методами. Вместе с тем кадровые японские разведчики, действуя под дипломатическим прикрытием и пользуясь вымышленными именами, осуществляли сбор сведений по указаниям своих Генерального штаба и военных миссий¹ [7, с. 58].

КУРТИНЕЦ Сергей Анатольевич – доцент (Хабаровский пограничный институт ФСБ России).
E-mail: ksa2211@mail.ru

¹ Более подробно деятельность японских военных миссий рассмотрена автором [5].

Японское консульство во Владивостоке развернуло активную разведывательную деятельность по сбору сведений политического характера (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, далее ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 4, п. 250, л. 279). Это консульство завербовало немало информаторов среди различных социальных слоев населения. В городе имелаась большая колония японцев и корейцев. Колонию японцев (около 600 чел.) объединяло японское общество, в правление которого входили 12 представителей крупных торговых фирм. Его секретарю господину Кагеда связь с консульством помогала выполнять свою миссию резидента японской разведки (Архив управления ФСБ России по Омской области, далее АУФСБОО. Ф. 65, д. 14, л. 767).

В 1923 г. в состав японского консульства во Владивостоке входили генеральный консул Ватанабе², вице-консул Гундзи и два секретаря (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 1, п. 523, л. 138).

Под прикрытием японского консульства велась работа по двум направлениям: общее наблюдение за политикой и хозяйственной деятельностью советской власти и слежка за корейцами. Руководящих этой деятельностью вице-консула Гундзи, секретарей консульства Харуда и Осакабе интересовали скопление войск Красной армии в районе Читы и Благовещенска, положение во Владивостоке, численность гарнизона в Никольск-Уссурийске, а также сведения о корейцах. Для этих целей они имели агентурный аппарат, состоящий из корейцев, японцев и русских. Агентам ставились задачи по выяснению численного состава и сведений о воинских частях в Приморье и во Владивостоке: сколько корейцев-командиров проходило службу в Красной армии; кто из японцев служил в Государственном политическом управлении (ГПУ). Так, японец Накасима, войдя в доверие к командиру Частей особого назначения Приморской губернии Воронову, сумел выведать у последнего структуру советских учреждений [11, с. 46]. Одновременно агенты вели негласное наблюдение за японцами Комадой, Хомасимой, Ямасимой и другими (всего около 10 чел.), которых подозревали в сотрудничестве с ГПУ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 2, п. 520, л. 2–3).

Таким образом, в начале 1920-х годов XX в. под прикрытием консульства в Приморье, в основном в его столице Владивостоке, японцы развернули широкую агентурную сеть, позволявшую им вести разведывательную работу по сбору политической, экономической и военной информации о советском Дальнем Востоке.

После включения территории Дальневосточной республики в состав РСФСР приказом заместителя председателя ГПУ И.С.Уншлихта № 40 от 3 февраля 1923 г. на территории Дальнего Востока были организованы губернские, уездные органы и полномочное представительство ГПУ (ЦА ФСБ РФ. Сборник приказов и распоряжений ВЧК–ОГПУ–НКВД Союза ССР. Т. 6, ч. 1. 1923. С. 61–63).

С началом образования Приморского губернского отдела ГПУ японское консульство было взято в оперативную разработку. Сотрудники органов госбезопасности собрали неопровержимые доказательства ведения японскими дипломатами шпионской работы на территории Приморья и Дальнего Востока. В результате были арестованы несколько связанных с консулом японских агентов, в том числе переводчик японского языка, который работал в губернском отделе ГПУ [4, с. 20].

Контрразведчикам Приморского губернского отдела Объединенного государственного политического управления (Прим ГО ОГПУ) несколько раз удалось уличить консула. Первую операцию провели во Владивостокском морском порту в конце 1923 г. Во время погрузки на пароход японской дипломатической почты большой деревянный ящик, когда его поднимали с помощью лебедки, «случайно» сорвался и, упав на причал, развалился. Из-под обломков вылез мужчина, как выяснилось впоследствии – белогвардейский офицер. Позже установили, что он по фальшивым документам, изготовленным помощниками генерального консула Ватанабе, свободно перемещался по Приморью под видом то коммивояжера нэповской фирмы, то странствующего монаха, собиравшего деньги на строительство храма.

² Здесь и далее инициалы не указаны, если автор не смог их восстановить.

Используя свою агентурную сеть в Приморье, он добывал для японской разведки сведения стратегического и военного характера [10, с. 167].

Второй случай, беспрецедентное по наглости ограбление отделения Государственного банка во Владивостоке, произошел в феврале 1924 г. В ходе расследования выяснилось, что преступление совершено белогвардейцами под общим руководством японского консульства, в последующем планировалось переправить советские денежные знаки и драгоценности по дипломатической почте через советско-китайскую границу для финансирования антисоветской деятельности организации атамана Семенова. Однако блестяще проведенная советскими контрразведчиками операция позволила вернуть государству сотни пачек советских дензнаков и золото в вализах, изъятых без дипломатического скандала из японской диппочты [8, с. 106, 138].

В марте 1924 г. во Владивостоке была раскрыта японская резидентура, которая имела в городе несколько конспиративных квартир и субсидировалась японским военным министерством [3, с. 30]. Органы Прим ГО ОГПУ арестовали 29 чел., в том числе 19 японцев, 3 русских, 1 китайца и 6 корейцев. Среди них были японские дипломаты: вице-консул Гундзи и секретарь консульства Осакабе, уполномоченный корейского генерал-губернаторства Харуда, а также поддерживающие связь с консульством офицеры Мацуи и Миодзума (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 4).

В ходе расследования выяснилось, что Мацуи Такуро (он же капитан Тамуро) был офицером японского Морского генерального штаба и возглавлял штаб японской военноморской разведки во Владивостоке (ЦА ФСБ РФ. Ф. 4, п. 250, л. 279). В 1922 г., перед окончанием оккупации, он был командирован во Владивосток для ликвидации дипломатической военной миссии, а после выполнения задания остался для ведения военного шпионажа. У него в подчинении были сотрудник Хирай и переводчик Мита. Пока на рейде во Владивостоке находился крейсер «Ниссин», полученную разведывательную информацию Мацуи посылал в Японию, используя радиосредства этого судна. После ухода «Ниссин» он связывался с военным министерством через консульство, а также через служащих парохода «Хосан-Мару». Мацуи создал в Приморье шпионскую сеть, в которую входило более 30 чел. С их помощью он собирал сведения о Красной армии, флоте и расположении воинских частей. Для лучшей организации и ведения разведки Мацуи с помощью своего помощника Хирая открыл цветочный магазин, который являлся конспиративной квартирой (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 7).

Арест высокопоставленных дипломатических лиц вызвал негодование со стороны японского правительства. Оно обратилось к советской стороне с требованием разъяснить сложившуюся ситуацию. И 2 марта 1924 г. уполномоченный Наркомата иностранных дел СССР во Владивостоке предложил начальнику Прим ГО ОГПУ П.И.Карпенко освободить из-под ареста и выслать бывшего вице-консула Гундзи и секретаря консульства Харуда. Карпенко направил донесение в ОГПУ в Москву, а также полномочному представителю ОГПУ по Дальневосточному краю А.П.Альпову. В нем он доказывал, что относительно Гундзи имелись документы, разоблачающие его шпионскую деятельность (в частности, устанавливающие передачу японскому МИД информации о передвижении Красной армии). На допросе Харуда признался в том, что исполнял обязанности секретаря фиктивно. В действительности он, являясь уполномоченным Корейского генерал-губернаторства, вел подрывную работу среди корейского населения. По мнению секретаря Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) Н.А.Кубяка, если арест японцев не был вызван особенно важными соображениями, то их «следовало бы содержать для большого выяснения». Документы и следствие полностью доказывали причастность японских дипломатов к шпионажу против СССР (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 128, л. 67).

Первый заместитель председателя ОГПУ В.Р.Менжинский телеграфировал А.П.Альпову, что, «по предложению народного комиссара иностранных дел СССР Чичерина, лиц японского консульства, задержанных во Владивостоке, а именно вице-консула

и секретаря, надлежит выслать на Родину: «На волю выпускать их не следует; отправьте их пароходом» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 128, л. 58).

19 марта 1924 г. вице-консул Гундзи, а также Осакабе и Харуда были высланы в Японию. До отхода парохода им ни с кем не позволили разговаривать. Консул Ватанабе советовал им по приезде в Японию не общаться с прессой и немедленно явиться в МИД, где и получить дальнейшие указания. При этом консул просил передать МИД свое мнение о скорейшем установлении дружественных отношений с Россией (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 4). В апреле 1924 г. по указанию заместителя председателя ОГПУ Ягоды Мацуй был освобожден и выслан в Японию – он так и не признал себя виновным (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 8).

Через некоторое время после инцидента с японскими дипломатами генеральному консулу Ватанабе приморские сотрудники госбезопасности неофициально «рекомендовали покинуть пределы Владивостока и возвратиться в Японию». Он был вынужден принять и выполнить это предложение [4, с. 20]. Японские консульства на Дальнем Востоке были закрыты (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 4, п. 250, л. 279).

Таким образом, разоблачив японских дипломатов и вскрыв широкую агентурную сеть в Приморье, сотрудники органов госбезопасности нанесли японской разведке серьезный удар, который парализовал ее активную работу на несколько лет.

Необходимо отметить, что на территории северной Маньчжурии в 1920-х годах легальными позициями японской разведки были посольство Японии в Чанчуне, консульства в Харбине, Маньчжурии, Чанчуне, Мукдене и Тяньцзине [3, с. 121]. Они имели агентов, специализирующихся на слежке за советскими работниками на линии КВЖД, собирали информацию о событиях на КВЖД и ЮМЖД, а также о советском Дальнем Востоке и СССР. Все сведения политического характера в отношении советских работников сдавались в информационный отдел японского генерального консульства (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 5, п. 247, л. 28, 54).

Например, Японское генеральное консульство в Харбине отличалось от консульств других держав. Генеральный консул господин Яманаучи являлся и коммерческим, и дипломатическим представителем. Его помощником был вице-консул Шимада, специалист по России (АУФСБОО. Ф. 65, д. 2299, л. 33). Консульство занималось в основном политической, а также военной разведкой, подведомственными вице-консулу и возглавляемыми секретарем консульства господином Сугихарой. Сведения добывались от агентов путем анализа материалов, опубликованных в газетах и журналах, а также данных, полученных от корреспондентов газет (АУФСБОО. Ф. 65, д. 165, л. 47).

В январе 1925 г. начальник японской консульской полиции станции Маньчжурия поручил директору японского политического отдела Главного полицейского управления Отто сформировать из надежных лиц организацию, которая могла бы осуществлять тайную слежку за советскими курьерами на линиях Харбин–Мукден–Пекин и производить выемку дипломатических документов. Отто с помощью чиновника иностранного отдела Главного полицейского управления Симидзу привлек для этой работы двух японцев и двух русских, пообещав за выемку дипломатической почты каждому по 100 иен. Особенно пристально следили за курьерами, следовавшими из России в Пекин. Для этой цели Отто установил связь с Чаньчунем с помощью чиновника политического отдела Главного полицейского управления Хаяси. Когда советские курьеры выезжали из Чаньчуна, Хаяси телеграфом сообщал об этом Отто, а последний – Симидзу, который со своими помощниками встречал курьеров. Такую ловушку советским курьерам устраивали многократно, однако всякий раз неудачно (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 5, п. 248, л. 13–14).

Для сбора информации о СССР японские консульства в северной Маньчжурии пользовались услугами белогвардейцев, контрабандистов и перебежчиков. Так, консульский агент в Сахалине Симада обратился письмом к консулу из Цицикара³ с просьбой повлиять на

³ Второй по значению город провинции Хэйлунцзян на северо-востоке Китая.

цицикарские китайские власти, чтобы были приняты меры для безопасного проживания русских беженцев в г. Сахалине (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 3, п. 38, л. 380).

Таким образом, разведывательную работу против Советского Союза также организовывали и вели японские консульства, расположенные на территории северной Маньчжурии.

Но закрытие японских консульств на территории Дальнего Востока сдерживало политические и экономические связи СССР и Японии. В результате большой работы, проделанной советскими дипломатами, в январе 1925 г. было объявлено об установлении дипломатических и консульских отношений. Осенью 1925 г. Япония открыла свои консульства в городах Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Александровск-Сахалинский и Петропавловск-Камчатский.

Японские военные миссии вновь воспользовались возможностью осуществлять разведку легальными методами и ввели в штат дипломатических представительств своих сотрудников. В конце 1927 г. руководящий работник японской разведки в Маньчжурии майор Канда Масатанэ представил в штаб Квантунской армии и Генеральный штаб Японии доклад «Материалы по изучению подрывной деятельности против России», в котором предлагал: «в том случае, если нельзя будет устроить официальные разведывательные органы, необходимо отправлять в Россию японских разведывательных агентов под видом дипломатических чиновников» [2, с. 132].

На руководящие должности в дипломатические представительства в СССР направлялись профессиональные разведчики, имевшие значительный опыт работы и специализировавшиеся по этой стране. Существовал следующий порядок: офицер японского Генерального штаба, прослужив некоторое время в отделе СССР Главного управления Генерального штаба, назначался на два года агентом военной миссии в Маньчжурии. Через два года его отзывали в этот же отдел, где он работал год, а затем он получал назначение на должность помощника военного атташе в Москве. В этой должности офицер находился не менее года, по окончании которого получал назначение в территориальную японскую армию (АУФСБОО. Ф. 65, д. 454, л. 196). Таким образом через японские дипломатические представительства в СССР и Маньчжурии прошли практически все ведущие японские разведчики. Работа под легальным прикрытием была для них своеобразной стажировкой, в ходе которой они повышали свою квалификацию [2, с. 132, 133].

Следовательно, работа японских кадровых разведчиков в дипломатических представительствах являлась «профессиональной школой», которая позволяла им глубже изучить Советский Союз, состояние его экономики и вооруженных сил, а также приобрести практику в организации и ведении разведки легальными методами.

С самого открытия консульства японцы начали вести политический и экономический шпионаж, в том числе и сбор сведений о природных богатствах Дальнего Востока. Наряду с этим Благовещенское консульство освещало деятельность Амурского государственного пароходства и состояние золотопромышленности в Амурском округе. Особо интересовало японцев советское рисоводство, поэтому постоянно изучалась вся пресса. Результаты работы докладывались в МИД Японии (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, п. 321, л. 15–16).

Активную шпионскую деятельность на территории Дальнего Востока вело японское консульство во Владивостоке, которое вновь возглавил генеральный консул господин Ватанабе. В рамках политической разведки консульство освещало деятельность корейцев-коммунистов; изучало настроение и экономическое состояние корейского населения (отношение к советской власти, мероприятиям и распоряжениям советского правительства); вело слежку за японцами, подозреваемыми в распространении коммунистических идей или им сочувствующими, используя для этого своих агентов из числа корейского населения Приморья, а также пользуясь услугами редактора газеты «Владиво-Ниппо» японца Такай.

Однако ко второму прибытию Ватанабе во Владивосток консульство было уже под наблюдением советских органов госбезопасности. Советские контрразведчики смогли

расшифровать переписку, а также добыли ключи от сейфа Ватанабе. Это позволило им контролировать дипломатическую почту и соответственно реагировать на действия японских дипломатов [4, с. 20].

Задачи по ведению разведки в СССР консульствам определял японский Генеральный штаб. Так, 11 декабря 1925 г. этот штаб направил военному атташе при посольстве Японии в СССР инструкцию по сбору военно-политической информации о Советском Союзе. В ней были определены задачи политической, дипломатической и военной разведки и их приоритеты. Также указывалось, что поскольку идеологическая пропаганда в Советском Союзе в отношении иностранных государств и особенно Японии тесно связана со стратегическими задачами страны, то «на втором месте после военных секретных сведений» следует «ставить соби́рание материалов по этому вопросу о пропаганде (внутри и вне СССР) наряду с агентурными сведениями военного характера». Особое внимание обращалось на материалы по Китаю, так как позиция СССР в отношении Китая и советско-китайские взаимоотношения имели «колоссальное значение для дела государственной обороны Японии» [9, с. 184].

Для выполнения этих задач аппарат японского посольства, военного и морского атташатов в Москве был расширен и пополнен квалифицированными разведчиками. Центрами японской разведки на Дальнем Востоке и в Сибири, помимо консульств во Владивостоке и Новосибирске, стали представительства торговых и промышленных фирм, пароходных компаний [9, с. 184].

Также были расширены консульства и в северо-восточной Маньчжурии. Так, штат Хунчунского консульства состоял из 59 чел. (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 2). Для получения сведений о положении в Приморье аппарат Хунчунского консульства проводил опрос корейцев, возвращающихся из России. Из добытых от перебежчиков сведений составлялись сводки (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 7, п. 261, л. 58).

Хунчунское консульство поддерживало связь с жандармским отделением в г. Гевон. По согласованию с полицией задержанных или провинившихся за какое-либо преступление корейцев отпускали, а сотрудники консульства вербовали их и переправляли на территорию СССР для сбора интересующей японцев информации (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 16).

Для этих же целей японские разведчики имели своих работников, которые состояли в штате полиции при консульствах. Они занимали разные общественные должности в так называемых японофильских организациях и, в свою очередь, использовали членов этих обществ для разведывательной работы на русской и китайской территориях (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 18, 19).

В октябре 1927 г. помощник начальника Генерального штаба Минами Дзиро направил военному атташе Японии в СССР Комацубара Мититаро секретную инструкцию № 908, в которой этому ведомству для получения разведывательной информации политического, экономического и военного характера указывалось организовать работу по вовлечению в разведывательно-подрывную деятельность организаций и обществ антисоветского характера. Для осуществления этих задач предписывалось усилить агентурно-вербовочную деятельность [3, с. 121].

В июле 1928 г. в Хабаровск приехал помощник морского атташе японского посольства в Москве Кавабата. Перед консульством он поставил задачу активизировать сбор военной информации на территории Дальнего Востока. С этой целью юрист японского консульства в Хабаровске привлек к сотрудничеству бывшего адъютанта командира 19-го Приморского корпуса РККА, через которого получил данные о структуре и количестве пехотных частей РККА на Дальнем Востоке [11, с. 47].

Полученные разведывательные сведения изучались, анализировались и направлялись в вышестоящие органы. Так, в мае 1929 г. генеральным консулом в Харбине Яги Мотохати в адрес японского консульства в Москве, а именно японского поверенного в делах СССР Сакко и министра иностранных дел Японии Танака, было направлено отношение

«О подготовке к военным действиям против большевиков в Забайкалье». В нем на основе всесторонней оценки состояния СССР и Японии предлагался план по подготовке нападения на Советский Союз (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 7, п. 116, л. 45).

Таким образом, между японским Генеральным штабом и дипломатическими представительствами Японии в СССР и Маньчжурии была организована и поддерживалась тесная связь. Вместе с тем для выполнения полученных задач по сбору разведывательных сведений о СССР сотрудники консульств использовали различные источники получения информации.

В период конфликта на КВЖД консульства усилили свою разведывательную работу. Их главной задачей стал сбор информации с мест боевых столкновений. Разведку начал вести и непосредственно консульский аппарат. По данным разведывательного отдела японского штаба, в районе Чжалайнор (разъезд Абагайтуй) японские агенты, действовавшие на территории СССР и в частях Красной армии, информировали своих резидентов о предстоящих событиях. Японский консул в г. Маньчжурия за два часа до начала инцидента выехал в Чжалайнор, где присутствовал во время перестрелки, наблюдая за ней. А за полчаса до начала канонады на станции Маньчжурия все сотрудники японского консульства на балконе и на крыше одной из японских гостиниц наблюдали в бинокль за границей СССР. В итоге этой своей «деятельности» консул представил японскому Генеральному штабу ряд докладов о Красной армии.

16 октября 1929 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ ДВК Данилевский указывал начальнику Читинского окружного отдела ОГПУ: выявление агентуры японской разведки «в данный период должно стать первоочередной ударной работой» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 347, л. 13).

В это же время начальник военной миссии Кавамото после занятия станции Маньчжурия советскими войсками доносил в письме военному атташе японского консульства в Москве Камацубара: «Красная армия начала наступление ... 20.02 – занята ст. Маньчжурия ... китайские командиры бежали в японское консульство, потом сдались Красной армии. Город был занят Красной армией. Баррикад не было. Красная армия наблюдала за порядком в городе. В армии воинская дисциплина очень строгая и хорошая» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 249, л. 12).

В составе японского посольского аппарата были военные атташе, многие из которых входили в партию младогенштабистов⁴. 29 марта 1931 г. военный атташе при японском посольстве в Москве подполковник кавалерии Касахара Юкио представил во второй отдел Генерального штаба секретный доклад «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза», в котором дал глубокую и всестороннюю оценку положения СССР и свои предложения по ведению дальнейшей политики Японии в отношении СССР [1, с. 88].

Его позицию поддерживал посол Японии в СССР Хирота. Он просил передать посетившего посольство генерал-майора Харада его мнение начальнику японского Генерального штаба относительно государственной политики Японии, суть которого заключалась в необходимости подготовки к войне с СССР [6, с. 292–295].

Таким образом, донесения, составленные разведчиками дипломатических представительств и направленные в Японию, помогали формировать ее внешнюю политику в отношении СССР.

С началом японо-китайского конфликта японские войска под предлогом самозащиты стали продвигаться в северную Маньчжурию. Агрессивные планы Японии становились все очевиднее. МИД Японии 6 ноября 1931 г. направил во все консульства циркуляр № 55 «Об усилении разведки на советско-китайской границе по выявлению помощи СССР

⁴ Во главе ее стоял генерал-лейтенант Араки (автор лозунга «Забайкалье – японо-русская граница») и начальник русского сектора Генерального штаба Хасимото – один из руководителей политики японских военных кругов в конце 1920-х годов.

Китаю», согласно которому им надлежало «усилить разведывательную работу, чтобы мы не допустили грубых ошибок» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 249, л. 79).

Органы госбезопасности Дальнего Востока вскрыли несколько агентурных сетей и обезвредили большое число шпионов, которые работали по заданиям японских консульств. Так, сотрудник порта Совторгфлота Вонцев по заданию Владивостокского консульства собирал сведения, интересующие японскую разведку. А через созданную японцем Харада агентурную сеть в это консульство поступала информация о деятельности Дальзавода: секретных заказах, строительстве подводных лодок, а также о Военно-морских силах и морской авиации Тихоокеанского флота, их базах. Машинист Соломахин (японский агент с 1918 г.) организовал в Никольск-Уссурийске агентурную сеть, с помощью которой поставлял сведения о состоянии железнодорожного транспорта и военных перевозках. Агент консульства Ким-Ен-Ун собирал данные по Хабаровску, а начальник 4-го отделения УНР-104 Капустин, агент Благовещенского консульства, – сведения и документы по военному оборудованию (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 11, п. 729, л. 31–33).

Таким образом, японские консульства вели разведывательную деятельность и добывали интересующую их информацию политического, экономического и военного характера о Дальнем Востоке и СССР, тесно взаимодействуя с японским Генеральным штабом и органами военной разведки Японии. Кроме того, для организации и ведения разведки в состав дипломатических представительств вводили кадровых разведчиков. Эта деятельность консульств являлась дестабилизирующим фактором, отрицательно влияющим на взаимоотношения Японии и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буяков А.М., Полотов А.В. Дальневосточный гесс и государство-призрак // Дальневост. панорама. Вып. 1. Владивосток, 1991. С. 62-93.
2. Вялков Л.И. Борьба приморских чекистов с врагами советской власти в 1922–1928 годах. Владивосток, 1972. 48 с.
3. Вялков Л., Полотов А. Маньчжурский плацдарм: Деятельность японской военной разведки против СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг. // Честь и верность: 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 112-135.
4. Дементьев А. Срочно. Секретно. В Губотдел ОГПУ // Дальневост. ведомости. 2002. № 52. С. 20.
5. Куртинец С. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115-125.
6. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936. М.: МФ Демократия, 2003. 912 с.
7. Полотов А.В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–45 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья. Взгляд в прошлое во имя будущего: материалы науч.-теор. конф., Владивосток, 3–4 февр. 2003. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С. 54-64.
8. Роднин С. Операция «Консул» // Тихоокеан. румбы. Владивосток, 1975. С. 106-138.
9. Советская контрразведка: сб. докл. Вып. 2 (1922–1941 гг.). М.: ВКШ КГБ СССР, 1981. 532 с.
10. Федичкин Д. Именем революции // Линия огня: сб. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 159-168.
11. Цыбин Л.Ю. Работа дальневосточных чекистов по выявлению и пресечению японского шпионажа в 1922–1934 гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. / под ред. Н.Т.Кудиновой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 45-54.